

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Украденный сон / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2018. — 400 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спецна).).

ISBN 978-5-699-80700-0

Выстрелы прозвучали одновременно. Ларцев рухнул как подкошенный, а Олег стал медленно оседать, привалившись к дверному косяку. Наталья Евгеньевна едва успела осознать случившееся, как раздался звонок в дверь. Послышались голоса: «Откройте, милиция!» Почему они здесь? Неужели Олежка? Где-то ошибся, прокололся, заставил себя подозревать и притащил за собой «хвост»? Олежка, сынок, как же ты так! Ей хотелось кричать. Она слишком часто видела смерть и как врач, и как охотница. Олег был мертв, никаких сомнений.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-80700-0

Глава первая

— Стоп, стоп! Остановились! Пока все плохо.

Помощник режиссера Гриневич раздраженно хлопнул в ладоши и повернулся к молодой женщине, сидящей рядом.

— Видишь? — жалобно сказал он. — Эти красавицы не в состоянии сделать простейшие вещи. Порой я прихожу в отчаяние, мне кажется, что у меня ничего с этим спектаклем не получится. Какой бы образ они ни создавали, каждая старается, чтобы ее достоинства были непременно всем видны. Лариса!

Высокая стройная девушка в темном трико подошла к краю сцены и грациозно села, свесив одну ногу и подтянув к груди другую.

— Лариса, ты кто? — требовательно начал Гриневич. — Ты играешь роль собаки-метиса, она — плод запретной любви фокстерьера и болонки. Ты должна быть игривой, дружелюбной, ласковой, немного суетливой. Но самое главное — ты должна быть мелкой. Мелкой, понимаешь? Короткий шаг, никаких широких жестов. А ты мне кого показываешь? Русскую борзую? Конечно, так тебе удобнее демонстрировать свою великолепную фигуру. Здесь, дорогая моя, не конкурс красоты, твоя фигура здесь никому не нужна. Я хочу видеть маленькую беспородную собачку, а не твой волнующий бюст. Ясно?

Лариса слушала помощника режиссера, нахмурившись и покачивая изящной ножкой.

— Если у меня есть грудь, так что мне теперь, от-

резать ее, чтобы сыграть эту собаку? — резко бросила она.

— Хочешь, я скажу тебе, что нужно сделать? — миролюбиво ответил Гриневич. — Перестань собой любоваться, вот и весь секрет. Иди работай. Ира!

Лариса медленно поднялась и ушла в глубь сцены. Все, что она в тот момент думала о помреже Геннадии Гриневиче, было огненными буквами написано на ее красивой спине, а знаки препинания в этой нелицеприятной тираде четко обозначились вызывающими движениями округлых бедер и точеных плеч. Общий смысл сводился к тому, что некоторым, не будем указывать пальцем, кому именно, очень легко давать советы не любоваться собой, если сами они — чуть лучше обезьяны.

Очередная жертва критики Гриневича спрыгнула со сцены и оперлась на нее спиной.

— Что, Гена, у меня тоже плохо? — огорченно спросила она.

— Ирочка, родненькая, ты в жизни очень добрая девушка. Это, бесспорно, твое достоинство, за это мы все тебя любим. А играешь ты невероятно стержовую суку-добермана. И когда ты своими собачьими методами выясняешь отношения с другими персонажами, то тебе неловко. Ты все время остаешься Ирочкой Федуловой, и тебе стыдно за свою собаку, которая ведет себя грубо и несправедливо. Тебе жалко всех тех, кого она обижает, и это очень заметно. Убери свой характер, ладно? Вышла на сцену — забудь, какая ты в жизни, забудь, чему тебя папа с мамой учили. Ты в этой собачьей компании — вор в законе, ты самая сильная, ты укрепляешь и поддерживаешь свой авторитет и свою власть. Ты — первостатейная стерва, и не смей этого стесняться. Не пытайся сделать свою героиню лучше, чем задумал автор. Договорились?

Ира молча поднялась на сцену, а Гриневич снова обратился к своей собеседнице:

— Как ты думаешь, Анастасия, может, зря я все

это затеял? Еще в театральном институте у меня была мечта сделать спектакль из жизни собак. Я бредил этой идеей, болел ею. Наконец нашел автора, уговорил его попробовать написать пьесу, потом чуть ли не в ногах у него валялся, чтобы он ее переделывал, чтобы она стала такой, как мне хотелось. Потом режиссера уламывал, чтобы он согласился ставить спектакль. Столько лет, столько сил потрачено. А в результате оказывается, что молодые актеры не умеют сыграть то, что нужно.

— Так уж и не умеют? — недоверчиво переспросила Анастасия Каменская, внимательно наблюдавшая за актерами с самого начала репетиции. — Я понимаю, что тебя беспокоит, но этому нельзя научиться, это нужно только понять на собственном опыте. Здесь не поможет ни режиссер, ни педагог. Их надо научить переставать любить себя, свою внешность, свою индивидуальность, но не забывай, Геночка, что вообще-то это противоестественно. Если бы ты взял на себя труд почитать книги по психиатрии и психоанализу, ты бы узнал, что полное отрицание собственных достоинств и собственной ценности — признак нездоровой психики. Нормальный здоровый человек должен любить себя и уважать. Не до эгоцентризма, конечно, но в разумных пределах. Ты хочешь, чтобы вне сцены актеры были личностями, со всеми своими достоинствами и комплексами, а сделав шаг из-за кулис на сцену, тут же теряли бы внутренний стержень и превращались бы в глину, из которой что вылепишь, то и получишь. Ты ведь этого добиваешься? Я тебе советую пригласить в труппу психолога.

— Ну... пожалуй, да... ты, наверное, права, — неуверенно пробормотал Гриневич, который, слушая Настю, не переставал наблюдать за актерами на сцене. — Хотя я не уверен, что с точки зрения актерского мастерства это правильно. Виктор! Сергадеев! Иди сюда!

Огромный мускулистый парень, игравший чер-

ного лабрадора-ретривера, спустился к первому ряду и, тяжело плюхнувшись в кресло, начал вытирать полотенцем лицо и шею.

— Чего, Ген? — чуть задыхаясь, произнес он. — Опять не так?

— Не так. Я не понимаю, почему у тебя не получается сцена с хромым пуделем. Тебе что-нибудь мешает?

Виктор пожал могучими плечами, блестевшими от пота.

— Не знаю. Понять не могу. Я — молодой, глупый, а пудель — старый и хромой. Я не понимаю, что моложе и сильнее, и гоняю его по всей сцене, будто он мне ровня. А он гордый и не хочет показывать, что ему тяжело со мной играть. Только когда он падает без сил, я должен догадаться и устыдиться. Правильно?

— Правильно. Так что тебе мешает? Не знаешь, как показать, что тебе стыдно?

— Не в этом дело. Просто мне не стыдно. Понимаешь, Шурик так легко бегаёт по сцене, что, когда он падает замертво, его почему-то совсем не жалко.

Игравший хромого старого пуделя Шурик действительно был мастером спорта по легкой атлетике, бегал легко и красиво, а когда падал и неподвижно замирал, это воспринималось как притворство и розыгрыш.

Гриневич взглянул на Анастасию полными отчаяния глазами.

— Опять двадцать пять! И здесь то же самое.

Настя не была актрисой и по роду своей деятельности не имела с театром ничего общего. С Генной Гриневичем она жила когда-то в одном доме, на одной лестничной площадке, и с тех пор, как он начал работать в театре, регулярно, три-четыре раза в год, приходила к нему на репетиции. Приходила с одной-единственной целью: посмотреть и учиться, как при помощи мельчайших пластических и мимических нюансов лепятся самые разные образы. Гриневич

против этих визитов не возражал, напротив, бывал очень доволен, когда давняя подруга приходила к нему в театр. Маленький, лысоватый, с лицом уродливого, но смешливого тролля, Геннадий много лет был тайно влюблен в Настю Каменскую и ужасно гордился тем, что до сих пор никто об этом не догадался, в том числе и сама Настя.

— У меня тут все сплошь Мадонны и Ван Даммы, — продолжал раздраженно ворчать он. — Красавиц и спортсменов любят в себе больше, чем актерскую профессию и театр. Как же, столько лет упорного труда, тренировок, пота, режима, диеты — жалко, если никто этого не увидит и не оценит. Перерыв — полчаса! — громко крикнул он.

Гриневич и Настя пошли в буфет и взяли по чашке невкусного, чуть теплого кофе.

— Как ты живешь, Настюша? Как дома, на работе?

— Все то же самое. Мама в Швеции, папа преподает, на пенсию пока не собирается. Одни люди убивают других и почему-то не хотят, чтобы их за это наказывали. Ничего нового в жизни не происходит.

Гриневич легко погладил Настю по руке.

— Устала?

— Очень, — кивнула она, не поднимая глаз от чашки.

— Может, тебе твоя работа надоела?

— Ты что! — Настя вскинула глаза и укоризненно взглянула на помрежа. — Что ты такое говоришь! Я ужасно устаю от своей работы, в ней много грязи, в прямом и переносном смысле, но я ее люблю. Ты же знаешь, Гена, я много чего умею, я могла бы даже переводчицей зарабатывать намного больше, не говоря уж о репетиторстве. Но я ничем не хочу заниматься, кроме своей работы.

— Замуж не вышла?

— Дежурный вопрос! — засмеялась Настя. — Ты мне задаешь его каждый раз, когда мы встречаемся.

— А ответ?

— Тоже дежурный. Я же сказала: ничего нового в моей жизни не происходит.

— Но у тебя есть кто-нибудь?

— Конечно. Все тот же Леша Чистяков. Тоже дежурный.

Гриневич отставил чашку и внимательно посмотрел на Настю.

— Послушай, тебе не кажется, что ты просто соскучилась в своей однообразной жизни? Ты мне сегодня совсем не нравишься. Я впервые вижу тебя такой, а ведь я знаю тебя... дай Бог памяти...

— Двадцать четыре года, — подсказала Настя. — Когда вы переехали в наш дом, мне было девять, а тебе — четырнадцать. Тебя как раз должны были в комсомол принимать, но из-за переезда тебе пришлось перейти в другую школу, а там сказали, что ты для них человек новый и рекомендовать тебя в комсомол они не могут. Так что всех приняли в восьмом классе, а тебя — в девятом. Ты тогда ужасно переживал.

— Откуда ты знаешь? — изумился Геннадий. — Мы же с тобой тогда не общались, ты для меня совсем малявка была. Я точно помню, мы с тобой подружились, когда наши родители купили нам с тобой одинаковых щенков, из одного помета. А до этого я, по-моему, даже в квартире у вас не бывал.

— Зато твои предки бывали. И все про тебя рассказывали. И про комсомол, и про девочку из десятого класса, и про контрольную по физике.

— Про какую контрольную? — недоуменно спросил помреж.

— Которую ты писать не хотел. Принял горячий душ, вымыл голову и вышел в одной пижаме босиком на заснеженный балкон, а было это в феврале. Там тебя родители и застучали.

— И что было?

— А ничего. Здоровье у тебя могучее, так что контрольную пришлось писать.

— Ну ты подумай! — расхохотался от души Гри-

невич. — Я ведь совершенно этого не помню. Ты, случаем, не врешь?

— Не вру. Ты же знаешь, у меня память хорошая. А насчет того, что мне скучно от однообразия жизни, тут ты не прав. Мне никогда не бывает скучно. Всегда есть о чем подумать, даже при однообразной жизни.

— И все-таки ты какая-то кислая, Настасья. Обидел кто?

— Это пройдет, — она грустно улыбнулась. — Усталость, магнитные бури, парад планет... Все пройдет.

* * *

Что может быть нелепее отпуска в ноябре? В снежные месяцы можно кататься на лыжах, в марте и апреле живительное солнце курортов Кавказских Минеральных Вод волеет силы в ослабевшие от зимнего авитаминоза тела, про отпуск с мая по август и вовсе говорить нечего, сентябрь и октябрь — бархатный сезон на побережьях теплых южных морей, а что делать с ноябрем? Ноябрь — самый безрадостный месяц, когда золотая прелесть осени уже исчезла и неотвратимость долгих темных холодных дней становится до боли очевидной. Ноябрь — самый тоскливый месяц, ибо дождь и грязь, в марте и апреле выступающие предвестниками тепла и удовольствия, в предзимний период навевают тоску и уныние. Нет, ни один разумный человек не будет уходить в отпуск в ноябре.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска ГУВД Москвы майор милиции Анастасия Павловна Каменская, тридцати трех лет, образование высшее юридическое, была человеком весьма и весьма здравомыслящим. И тем не менее в отпуске она оказалась именно в ноябре.

Конечно, задумывался этот осенний отпуск совсем по-другому. Настя впервые в жизни поехала в санаторий, причем санаторий очень дорогой и с прекрасным обслуживанием и лечением. Но через две

недели она оттуда уехала, потому что случилось в этом санатории убийство, в связи с чем ей пришлось вступить в сложные и запутанные отношения сначала с местным уголовным розыском, потом с местной мафией. А когда убийство, на первый взгляд ничем не выдающееся, раскрыли, то за ним потянулась такая цепь чудовищных преступлений, что Настя поспешно покинула гостеприимный санаторий, не дожидаясь ареста главных фигурантов, с которыми она оказалась хорошо знакома. В итоге — ноябрь, отпуск, испорченное настроение, отвратительное самочувствие, одним словом, все тридцать три удовольствия.

Выйдя из театра, Настя не спеша пошла по проспекту в сторону метро, пытаясь успеть до посадки в вагон решить, куда ехать: к себе домой или к отчиму. Решение принять она успела, но весьма своеобразное: она поехала на работу. Зачем — и сама не знала.

Настин начальник Виктор Алексеевич Гордеев, как ни странно, оказался на месте, поэтому ее бредовому замыслу суждено было сбыться. Не оказалось бы Гордеева в кабинете — как знать, чем бы все обернулось. Но Виктор Алексеевич восседал за своим столом и сосредоточенно грыз дужку очков, что являлось признаком глубоких размышлений.

— Виктор Алексеевич, отзовите меня из отпуска, — попросила Настя Каменская, не тратя слов попусту. Она уже виделась с начальником после возвращения из санатория, и он был полностью в курсе ее неудачной эпопеи с отдыхом и лечением. Кроме того, Гордеев любил Настю, ценил ее и понимал, может быть, как никто другой.

— Что, Стасенька, тошно тебе? — сочувственно спросил он.

Настя молча кивнула.

— Ладно, считай, ты с сегодняшнего дня на работе. Иди к Мише Доценко, возьми у него материалы по трупам Ереминой. И напomini мне, чтобы я бумажку в отдел кадров написал насчет твоего отпуска. Не

забудь только, а то дни пропадут. Мало ли когда пригодятся.

Взяв у Доценко материалы, Настя заперлась в своем кабинете и начала их читать. Дело было возбуждено по факту обнаружения трупа молодой женщины. Никаких документов или чего-либо еще, позволяющего установить ее личность, при погибшей не обнаружено. Смерть наступила от удушения примерно за 4—5 дней до того, как тело осматривал эксперт. Для установления личности убитой были подняты все заявления о розыске молодых женщин, ушедших из дома и по неизвестным причинам не вернувшихся. Из этих заявлений были отобраны те, в которых указывалось, что пропавшая была брюнеткой с длинными волосами, рост 168—173 см. Подходящих заявлений оказалось четырнадцать, заявителей пригласили для опознания трупа, и девятый по счету опознававший сказал, что погибшая — Виктория Еремина, двадцати шести лет, работала секретарем в фирме, которую он возглавляет. Заявление о розыске подавал тоже он, так как Вика сирота, воспитывалась в детдоме, ни мужа, ни родственников у нее нет. В этом случае розыскное дело было заведено по официальному запросу с места работы.

Далее из материалов следовало, что Виктория Еремина в понедельник, 25 октября, не вышла на работу. Никого это, однако, всерьез не беспокоило: все знали, что Вика любит выпить и частенько ударяется в загулы, после которых может и на работу не выйти. Когда она не появилась на фирме и на следующий день, решили позвонить ей домой — не случилось ли чего. К телефону никто не подошел, из чего был сделан вывод о длительном запое. В среду, 27 октября, на фирму позвонил любовник Ереминой Борис Карташов с вопросом: где Вика? После того, как обзвонили Викиных подружек и побывали у нее дома (у Карташова были ключи от ее квартиры), поняли, что дело неладно. Карташов помчался в милицию, но ему, как водится, ответили, что оснований для пани-

ки нет и надо бы еще денька три подождать: девица молодая, пьющая, семьей не обременена — наверняка сама объявится. На всякий случай предупредили, что от него, Карташова, заявление о розыске все равно не примут, нужен запрос с места работы.

Запрос такой поступил 1 ноября, а через день, 3 ноября, Вика Еремина была найдена убитой в лесу, в 75 километрах от Москвы по Савеловской дороге. Если верить заключению эксперта, смерть Ереминой наступила не раньше 30 октября. Иными словами, пока Борис Карташов метался в поисках своей возлюбленной, на работе пожимали плечами, а милиция старалась отфутболить от себя заявление о розыске, Виктория еще была жива, и если бы вовремя начали ее искать, может, успели бы найти до того, как ее убили.

Многих документов в Настином распоряжении не было; все документы, составленные после возбуждения уголовного дела, находились у следователя городской прокуратуры Константина Михайловича Ольшанского. В ее же руках были только копии материалов из розыскного дела, отражавших лишь ту информацию, которая была получена с момента заявления о розыске и до обнаружения трупа. Не густо, но и в таком небольшом количестве сведений надо было тщательно разобраться. В голове у Насти возникали все новые и новые вопросы.

Почему солидная фирма, которая платит своим сотрудникам часть зарплаты в долларах и имеет неплохую репутацию в деловых кругах, держит на работе недисциплинированную и пьющую секретаршу? Не может ли быть, что означенная секретарша шантажирует руководство фирмы, обеспечивая тем самым себе необременительную работу и стабильный валютный доход? И не это ли послужило причиной ее смерти?

Почему любовник погибшей кинулся ее искать только 27 октября, в среду, хотя, судя по информации, полученной от знакомых Вики, ее никто не

видел и не слышал, начиная с субботы, 23 октября? В пятницу, 22 октября, Еремина была на работе, это подтверждают все сотрудники фирмы, в 17.00 рабочий день был официально окончен, и все собрались в небольшом банкетном зале для дружеского закрепления удачной сделки с иностранными партнерами. После «банкета» Вика уехала домой, ее повез в своей машине один из фирмачей. Довез он ее, судя по всему, вполне благополучно, потому что около одиннадцати вечера в тот же день Вика разговаривала по телефону со своей приятельницей, договорилась с ней встретиться в воскресенье и никаких планов, связанных с возможным отъездом из Москвы, не строила. Была ли она в этот момент одна в квартире? Бизнесмен, отвозивший ее домой, утверждает, что он пытался попроситься на чашку кофе, но девушка сослалась на усталость и пообещала пригласить его в гости в следующий раз, с чем он и уехал, проводив даму до лифта и поцеловав ей ручку. Лжет или нет? Как проверить?

После 23 часов пятницы наступает полное молчание. Виктория Еремина никому из знакомых не звонит, не появляется в местах, где ее могут узнать, но и дома ее нет, так как на звонки по телефону она не отвечает. А если она все-таки была дома, но к телефону не подходила, то почему? И где она пропадала целую неделю, с 23 до 30 октября? Неужели была в таком глубоком запое, что никому не позвонила, ни на работу, ни любовнику?

Когда Настя «вынырнула» из своих размышлений и созерцания бумаг, было почти восемь вечера. Она позвонила по внутреннему телефону Гордееву.

— Виктор Алексеевич, кто занимается делом Ереминой?

— Ты.

Ответ был настолько неожиданным, что Настя чуть не выронила трубку. За все годы, что она проработала в отделе у Гордеева, она занималась почти исключительно аналитической работой, но зато по